

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И ИДЕИ РЕФОРМАЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ. ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А.П. ДАВЫДОВ

Сложившиеся в XIX – XX вв. методологии изучения лермонтовской мысли устаревают на глазах. Они то отлучают Лермонтова от лика поэтов, обвиняя его в дьявольщине, нравственной нечистоте и гордыне (К. Аксаков, Ап. Григорьев, С. Шевырев, Н. Страхов, В. Соловьев, Ф. Достоевский), то, наоборот, считают, что он – поэт сверхчеловечества, житель сверхмиров, святой, который мистически пророчил будущее России и строил ее религиозный мир (Д. Мережковский, В. Розанов, Д. Андреев). Они то бросаются в народническую крайность, объявляя Лермонтова предтечей революционно-демократического протеста (В. Белинский, в XX в. – В. Архипов и многие другие), то загоняют себя в тупик эклектики, пытаясь измерить поэта методологией «с одной стороны – с другой стороны» (В. Кулешов). Н. Бердяев «отказал» Лермонтову в праве выражать национальный дух русской культуры.

Нынешнее лермонтоведение все более дистанцируется от устаревающих методологий и ищет новые основательные философско-культурологические ориентиры для анализа мышления поэта. Но после 1991 г. оно испытывает нехватку представлений об общей динамике развития России, той тенденции в ее развитии, в которой могла бы расположиться великая русская литература и в которую лермонтоведы могли бы вместить и творчество поэта, и свое лермонтоведение.

Я предлагаю рассматривать Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, Островского, Булгакова, Пастернака, Шолохова и других выдающихся писателей как субъектов начавшихся в России реформационных процессов, которые можно назвать Русской Реформацией. *Русская Реформация – это двухсотлетнее гуманистическое движение, религиозно-нравственное по своим целям и секулярное по своим средствам.* Это нарастание рефлексии российской интеллигенции по поводу своей способности к рефлексии и постепенное изменение ее взгляда на фундаментальные ценности русской культуры:

- божественное становится не только потусторонним;
- вера начинает осмысливаться через свободу личного религиозного выбора;
- свобода и ответственность все более понимаются через смысл индивидуальности;
- любовь становится основанием самой себя;

- дело все более ассоциируется со способностью к профессионализму как проявлению высшей нравственности;
- самоорганизация и самоуправление все более становятся основаниями организации и управления.

Эти ментальные сдвиги создают способность человека искать новую меру своей независимости от соборно-авторитарных ценностей культуры, формируют представление о смысле личности как о новом основании и новом субъекте русской культуры.

Лермонтов и Пушкин — пионеры Русской Реформации — каждый по-своему, впервые в России сказали: личность в России возможна. У каждого поэта была своя семантическая ниша: Пушкин исследовал главным образом человека, Богом не занимался; Лермонтов тоже писал о человеке, но главной его страстью была полемика с Богом. Из этих источников, хотя и не только из них, родились российский неполитический либерализм и русская художественная литература XIX — XXI вв.

Каждый писатель воздвиг свою вершину в этой горной стране. Плоды лермонтовской Реформации настолько значимы, что до сих пор оказывают влияние на нравственный выбор русского человека.

Возможна ли личность в России?

Вопрос, вынесенный в этот подзаголовок — основной вопрос Русской Реформации и творчества Лермонтова. Отвечая на него, вспомним Печорина в «Герое нашего времени» — символ неудачной попытки русского человека стать личностью: комплекс неполноценности, ложь и самообман, презрительное равнодушие к жизни, зависть к Другому, потому что он другой, месть любви за то, что она не с ним. Вспомним стихи «Смерть поэта», «Пророк», «Дума» и многие другие, пьесы «Испанцы», «Menschen und Leidenschafen (Люди и страсти)», «Странный человек», «Маскарад». Главный герой этих текстов — «нравственный калека». Социальную патологию этого героя В. Белинский назвал «болезнью Печорина». Пушкинский «инвалид в любви» и лермонтовский «нравственный калека» открывают бессмертный ряд — «мертвые души» Гоголя, «уроды» Гончарова, «гамлеттики» Тургенева, подпольный человек Достоевского, «кисляк» Чехова, шариковы Булгакова, патологичные образы, созданные современными русскими писателями — все они образовали портрет исторически сложившейся русской культуры, неадекватной происходящим в мире переменам и поэтому неспособной жить.

И был вызов поэта несправедливому и равнодушному к человеку Богу: «Ты виновен!» в том, что русский человек — такой, какой он есть¹. На высоту лермонтовского вызова русской культуре не поднялся в России никто ни до, ни после поэта.

Казалось бы, ответ на вопрос «Возможна ли личность в России?» есть, и он однозначен: личность в России невозможна. Но все-таки... поэт создал образ Демона в одноименной поэме. Демон искал смысл жизни, и был момент, когда он понял, что он его нашел, и был счастливым...

Демон — поэтический образ, который Лермонтов придумал себе еще в детстве и к которому постоянно обращался в поэтических грезax. «Я небо не любил», — пишет о себе поэт в стихотворении «Отрывок»², и нашел себя «в себе одном» и для себя, и для России. Из этих установок и родилась его «демониада». Ее суть — в протесте против сложившихся стереотипов культуры. Наиболее глубоко проработанный вариант протестного Демона — в поэме «Демон». В 1829 — 1839 гг. Лермонтов создал восемь редакций поэмы и ни одна из них его не устроила. Он так и не опубликовал ее. «Я кончил — и в груди невольное сомненье!», — написал он на копии шестой редакции «Демона», посланной В.А. Лопухиной. Рукопись расходилась в списках. Начиная поэт с водевильного сюжета о попытке Демона соблазнить монашенку Тамару, любившую ангела, но по мере продвижения работы поэма превращалась во все более глубокий анализ человеческой реальности. И кто знает, чем закончил бы поэт, переходя от сомнения к сомнению, если бы не его смерть.

Демон служит Богу тем, что преданно созерцает Его в раю и в этом созерцании видит смысл своего существования. Но затем понимает бессмысленность жизни без «желаний». Демон — Тамаре: «Во дни блаженства мне в раю // Одной тебя не доставало». Он не может «жить для себя, скучать собой»³. Хочет жить земной жизнью, сам принимать решения и... бежит из рая. Бросается в другую крайность — служит Дьяволу. Но и это занятие бессмысленно: «Он сеял зло без наслаждения... и зло наскучило ему». Не хочет он и отношений с людьми, видя, что в них царит страх. Демон поселяется в ледяном гроте в горах Кавказа, дружит с тучами и бурями. Но слияние с молчаливой природой ему тоже скоро надоело. Он — один, как «пень горелый».

Жизнь наполняется смыслом, только когда он встречает Тамару. Любовь возникает как новое основание жизни. На заново обретенном основании возрождается самодостаточность личности, но не надолго... Возможна ли личность в России? — основной вопрос поэмы.

А теперь давайте вдумаемся в логику мышления Демона и попытаемся понять смысл той нравственной высоты, на которую поднялась Русская Реформация в лермонтовском «демонизме».

Лермонтов был глубоко верующим человеком. Вопрос: «Возможна ли личность в России?» у него разворачивается на фоне другого вопроса: «Как соотносятся любовь и спасение души?» Лермонтовская Реформация дает на него свой ответ.

Миг любви на земле, если жизнь понимать как миг по сравнению с вечностью, стоит вечной жизни в безлюбном, пусть и высоконравственном раю. На этом основании нравственность устремленности к любви возносится *над* нравственностью спасения и сама становится высшей нравственностью.

Я о спасенье не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь; не беда!
Ведь с ней не встречусь никогда!⁴

Итак, ни жизни на земле, ни спасения в раю не надо, если нет любви:

Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм без божества⁵.

Демон как Антибог не может дать Тамаре рай, но может дать «все, все земное»⁶. Значит и любовь. Вместо... Взамен... Но как это — взамен рая? С точки зрения религиозной морали отказ от спасенья в раю ради ценности бытия, которое лежит во зле по определению — это гибель человека. А с точки зрения Лермонтова, любовь «вместо» рая, если рай безлюбен — единственно возможный путь поиска высшей нравственности. Любовь выше веры⁷ — это новое, и это первый реформационный шаг в постановке проблемы любви-спасения. И есть второй.

Лермонтов конструирует новую концепцию рая. Какую? Он открывает рай для любви земной, которая к любви к Богу может не иметь никакого отношения.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой⁸.

Рай — царство Бога, и для Лермонтова, если нет санкции Бога, перенос туда земной любви не возможен. Поэтому чтобы произвести изменение в понимании высшей нравственности, поэту надо изменить интерпретацию Бога — в этой точке лермонтовская Реформация достигает пика.

Ангел, уносящий душу Тамары в рай — о Тамаре:

Она страдала и любила
И рай открылся для любви!⁹

Любовь Тамары к Демону с точки зрения церковного канона — греховная страсть. Тем не менее душа Тамары по решению Бога попадает в рай. Бог в этих строчках уже другой: он открыл рай для преступницы, которая любила его идейного и политического противника. В этом сюжете происходит радикальное изменение канонической интерпретации спасения — Бог, принимая решение о спасении души грешницы, опирается не на ценность веры в него — Бога, а на ценность способности к любви.

На это изменение впервые обратил внимание Д. Мережковский: «Но если рай открылся для нее, то почему же и не для Демона? Он ведь также любил, также страдал. Вся разница в том, что Демон останется верен, а Тамара изменит любви своей. В метафизике ангельской явный подлог: не любовь, а измена любви, ложь любви, награждаются христианским раем»¹⁰. Мережковский имеет в виду, что, раз Тамара будет в раю, то ее душа там будет любить Бога, а не Демона — для того ангел ее туда и несет, и Тамара изменит своей прежней любви к Демону.

Все не так... В раю душа Тамары будет любить Бога только потому, что ее туда после смерти тела поместили помимо ее воли. Так получилось. Но это не то, что называется «изменой», «ложью». Об измене можно говорить, когда человек сам сознательно переключается с одного предмета своего обожания на другой. В данном случае ее решения нет. Есть решение Бога. Это — не измена, а изменение ситуации, обстоятельств. Главное: Тамара будет продолжать любить — пусть Бога. Сначала Демона в земной жизни — по страсти, потом Бога в раю — так сложились обстоятельства. Может быть, этот тип любви ее устроит, а может — нет, и она, как и Демон, сбегит оттуда, если сможет. Главное — иное. Разве в любви — Демона ли, Бога ли — проявляется ложь любви? Напротив, здесь торжествует истина любви, способность любить как дар божий.

Не прав Мережковский — не любовь стала другой. Рай стал иным. В вопросе о рае и Бог изменился. Рай открыл свои двери той любви, которая считалась до Лермонтова преступной, а в стихах Лермонтова оказалась спасительной. Появился рай, открытый для всех. А вот и подходящее слово — либеральный, открывающий двери свободной любви. Той, цель которой — она сама. Тамара, по решению лермонтовского Бога, заслужила спасение богоугодным поступком — любовью к Демону (!), который боролся против Бога (!). Это — новое. Это диссидентство и Реформация. До Лермонтова в России такого не было.

Все ли я сделал, чтобы объяснить логику лермонтовской Реформации? Нет. Непроясненным остается вопрос: если любовь выше и веры, и спасения и сама спасает, то в чем социальный смысл такой любви?

Личность как субъект Русской Реформации

Тайна абсолютного в том, что оно парадоксальным образом может изображаться только через относительное. Идею всеобщей сущности потусторонними средствами, т.е. средствами сущности, выразить нельзя по определению. Вместе с тем тайна относительного может приоткрыться художнику-аналитику лишь в том случае, если он поймет ее как свой порыв к абсолютному. На пересечении этих векторов рефлексии, в условной середине, оказываются не ценности исторически сложившегося всеобщего — Бог, род, земля, государство, церковь, родина и т.д., а частное, личное, интимное, т.е. единичное, интерпретируемое как всеобщее. На этом перекрестке рефлексий и рождается Реформация как медиационный (*mediana* — лат. середина; *mediation* — англ. поиск середины, медиация) и либеральный сдвиг в мышлении и личность как субъект этого сдвига, возникает новая жизнь и новое представление о ее полноте.

Тамара [Демону:]

Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица! Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах
Мой рай, мой ад в твоих очах¹¹.

[Лермонтов о Демоне:]

И входит он любить готовый,
С душой открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Демон

Я отрекся от старой мести
Я отрекся от гордых дум
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться
Хочу я верить добру¹².

Демон в этих строчках — личность, которая покинула родовые отношения и принадлежит уже гуманистической культуре. Он готов и с Богом примириться и искать взаимопонимание с людьми, но... лишь через признание своего права принимать решения на основе своего индивидуализма, на основе права личности. На этом основании он

вместе с кем угодно готов строить новое общество. Это лермонтовский гимн идее Реформации в культуре России.

Все смешалось в лермонтовской поэме. Полюбивший Демон выходит за рамки привычного демонизма и перестает быть... Демоном. Он радуется своей новизне. А у лермонтоведов возникают сомнения и вопросы. И новые споры.

Разве молиться, веровать в Бога — это новые задачи? Все возвращается на круги своя? Ни в коем случае.

В лермонтоведении принято считать, что «Демон хочет примириться с небом, не раскаиваясь». Ю. Манн пишет: «Искра раскаяния едва возникает в клятве-исповеди Демона («Слезой раскаяния сотру / Я на челе, тебя достойном, / Следы небесного огня»), но она тотчас гаснет... Его возвращение — это как бы вторичная попытка испытать судьбу, оставив не отмененным и не разрешенным весь прежний горестный опыт»¹³.

Неверный анализ. Демону не в чем раскаиваться, потому что он и отменил, и разрешил весь свой предыдущий опыт через новый. Новый опыт снял и идею «замирения» с Богом, и идею «бунта»-бегства от Бога как устаревшие для него противоположности.

Критик пишет, что Демон «проиграл битву» с Богом и «домогается примирения» с ним¹⁴. Sic! Разве полюбив Тамару Демон проиграл? И слова «готов я с небом примириться» совершенно не означают, что Демон домогается примирения. Он готов, он хочет, но не просит и не домогается. Полюбив Тамару, он стал победителем в споре со всеми сложившимися смыслами — и с Богом, и с Дьяволом, и с Природой, и с людьми, и с собой прежним, вечно сомневающимся. Он — еретик, но отнюдь не кающийся. Манн пишет, что желание Демона примириться с Богом означает его «нравственное возрождение» и переход «от зла к добру»¹⁵. Но Лермонтов и Манн говорят о разном. У верующего, но безрелигиозного Лермонтова нравственное возрождение Демона связано с любовью к Тамаре, а у Манна (по-видимому, религиозного, либо политически ангажированного исследователя) — с желанием примириться с Богом. У полюбившего Демона появилась новая цель жизни и новое основание принятия всех решений. Через любовь он разрешает все остальное.

«Диалектика “Демона” такова, — пишет далее Манн, — что примирение неуловимо оборачивается в нем новым бунтом, возвращение — повторным бегством из поэмы (здесь, по видимому, критик имеет в виду, что в Демоне, потерявшем Тамару, проснулся «яд старой мести» — А. Д.), обетованный же край — идеальным вместилищем материальных сокровищ. Это не переход из одного состояния в другое, а их одновременное — сознательное или неосознанное — соприкосновение, слияние»¹⁶.

Неверно. Попытка возвращения Демона — не механическое сложение противоположностей, а как раз переход. Но куда? Манн не выходит здесь за рамки древней оппозиции «замирение — бунт». И мир с Богом в раю, и бунт против него, якобы разрешающийся в бегстве из рая в природу или еще куда-то, на самом деле не решили проблемы отношения Демона к Богу — в этом суть лермонтовской логики. И механически сложить «бунт» и «замирение» как противоположные основания деятельности без снятия в некой способности, которую Манн назвал «сопроникновением, слиянием», невозможно. В том-то и заслуга Пушкина и Лермонтова, что они нашли это третье основание для России — способность любить, в котором смыслы и «бунта», и «замирения», не исчезая полностью, отодвигаются на второй план рефлексии, становятся не существенными.

Манн считает, что «давая обет примирения, герой в той же самой речи, в то же самое время продолжал свой бунт и, возвращаясь к своему Богу, в тот же самый момент призывал к новому бегству». Совершенно неверно. Манн знает только противоположные смыслы «замирения/возвращения/добра» и «бунта/бегства/зла», красиво мечется между этими крайностями, не замечая любви-альтернативы, любви — условной середины, любви — качественно новой меры этих традиционных смыслов как нового основания человеческого.

Генеральная оппозиция «замирение — бунт», господствующая в анализе Манна — это та самая ветхозаветная оппозиция, которую постепенно, трудно, но неуклонно, поэтапно, от стихотворения к стихотворению Лермонтов преодолевает в своем мышлении³¹. После Пушкина и Лермонтова по этому пути идет вся русская художественная литература. И за 200 лет она продвинулась по нему гораздо дальше, чем наше литературоведение, хотя в определенном смысле движение России по этому пути только начинается.

Лермонтов последователен в своем анализе, он делает еще одно реформационное открытие — его Демон, разрушающий все законы морали, не чувствует себя виновным. Новое основание для своей рефлексии и действий формирует и Тамара. В редакции 1830 г. читаем: «Она молиться уж нейдет... / Ей колокола звон противен». А в последней редакции: «Сама не зная почему; / Святым захочет ли молиться — / А сердце молится ему». И в то же время считает: «Виновна я быть не должна»¹⁷.

Ключ к диалектике Лермонтова — в конце поэмы «Демон». Ангел отбирает у Демона душу погибшей Тамары и собирается унести ее в рай — и Демон теряет новое основание своей жизни. Без любви он не может ни изменить концепцию рая, ни сам измениться, ни изменить свои отношения с Богом и людьми. Утративший и любовь, и способность любить, он стоит перед вновь разверзшейся перед ним пропастью, снова отделившей его от Бога и людей. Опустошенный, он

возвращается к своей традиционной, демонической сущности. В нем проснулся «яд старой мести» — готовность к новому бунту, о котором пишет Манн. Демон опять становится застрявшим Демоном. Он вновь погружается в патологию «пеньгореловости», потому что любовь — возможное новое синтетическое основание развития человеческого в человеке — не состоялась.

В этом сюжете Лермонтов — глубокий диалектик. Поэт обозначил либеральный вектор самопреобразования русской культуры, изменив интерпретации добра, зла, Бога, рая, человека, нравственности, спасения и понимания, но сформироваться этому вектору в его эпоху было еще не суждено.

Но это еще не все о лермонтовской Реформации. Нужен еще один штрих, возможно, самый важный: как понять — лермонтовский поиск в «сфере между» Богом и человеком? Как рождается личность в этой богочеловеческой середине?

Логика лермонтовской Реформации

В Библии есть образ теплохладности как ереси и самозванства, как образ нетрадиционного способа противостояния инверсионному мышлению (мышлению противоположными абсолютами), как смысл чего-то третьего, срединного, непонятного, и поэтому наиболее опасного для ветхозаветного мышления.

Бог Библии:

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч!»¹⁸

Если бы тот, кого надо оценить, был «холоден» или «горяч», его легко можно было бы причислить к врагам (чужим) или друзьям (своим) и определиться в своем отношении к нему. Но «теплохладность» объекта заставляет делать опаснейшее для родовой традиционности дело — вводить в оборот новые средства оценки, что разрушает привычную инверсионность в мышлении.

Поэтому Бог говорит:

«Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»¹⁹.

Почему то, что Бог называет «теплохладностью» — главный враг родовой архаики? Потому что «теплохладная» личность через свою независимость от абсолютов «горячего» и «холодного» заявляет о себе как о новом, альтернативном основании культуры, способном создавать новые, творческие культурные формы. Такой тип отрицания есть переход из ветхозаветного разговора о всеобщем — сущности Бога, человека, бытия — в новозаветный разговор о единичном — человеческом существовании, из умозрительной философии в экзистенциализм, из поиска единственной потусторонней меры (основания) бытия в представление о том, что мер бытия может быть много и все

они могут быть установлены человеком. Гуманистическое «теплохладное» диссидентски располагается в богочеловеческой «сфере между» абсолютами — традиционными представлениями о потустороннем авторитарном Боге и посюстороннем соборном человеке и еретически опирается на способность индивидуума рефлексировать по поводу своей рефлексии. Оно тотально разрушает ветхозаветную пропасть между Богом и человеком и кладет конец соборной религии.

Как шел Лермонтов к тому, что названо в этой книге богочеловеческой серединой? Как он формировал представление о способности индивидуально искать альтернативную меру своего мышления абсолютами? Как он формировал независимую личность в себе, будучи верующим человеком? Где, в чем мера (основание) тех медиационных смыслов, которыми оперировал Лермонтов — «любви», «поэзии», «личности»? В чем реформационная логика лермонтовской середины?

Начнем анализ с внутренней противоречивости смысла личности. Смысл личности для Лермонтова, как и для Пушкина, имеет меру — способность человека устанавливать меру. Это видно хотя бы из его писем. Вот один способ поиска меры: «Жизнь моя — я сам», — пишет он в письме к М.А. Лопухиной 2 сентября 1832²⁰. В письме 28 августа 1832 г. он заявляет: «Я — та особа, у которой бываю с наибольшим удовольствием... Лучший мой родственник — это я сам»²¹. Лермонтов жестко устанавливает меру своей сущности — ценность способности быть собой, замкнутости на себе, своей самости. Но единственная ли это мера? Нет. Он записывает также противоположное: «Некто очень хорошо заметил, что тот самый пустой человек, кто наполнен собою»²². Через противоположности возникает смысловое пространство, в рамках которого и проявляется способность Лермонтова искать меру (основание) своей сущности.

Лермонтов ведет поиск себя, своего Я, как это сказано выше, через освоение смысла любви. Но у любви есть конкурент — поэзия, например, в стихотворении «К* Я не унижусь пред тобою...» Смыслы любви и творчества идентичны и конкурируют на основе своей первоценности. Творчество — это функция обращенности поэта на себя, в себя, в свои способности и... в свою открытость миру. Это святыня, в которую, несмотря на открытость, не допускается никто, даже любовь. Но бастионы творчества, оказывается, не абсолютно неприступны перед любовью. «Мне бы очень хотелось с вами повидаться; простите, в сущности, это желание эгоистическое; возле вас я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви и преданности, одаренным, наконец, всеми благами, которых люди не могут у нас отнять и которые отнял у меня сам бог!», — пишет Лермонтов в письме М.А. Лопухиной 23 декабря 1834²³. Значит, у творчества есть мера? Значит, творчество становится

подлинным, если измеряется любовью? Да. Но и у любви тоже есть мера – способность почувствовать свою самость, личность в себе.

Это для Лермонтова – «найти себя самого», вернуть себе способности, которые отнял у него «сам бог». Это – не быть с Богом, т.е. не быть «горячим» (своим), и не быть против Бога, т.е. не быть «холодным» (чужим), а быть независимым и от веры, и от безверья, и пусть эта «безбожная» мера независимости называется как угодно. Значит, мера любви как мера меры – это способность личности быть личностью, это то, что в Ветхом Завете названо теплохладностью, а в моей статье получает название середины. Не прав Бог Библии: Он неудачно назвал неприятную ему конкурирующую ценность теплохладностью. Не теплохладность в середине, в ней высшая точка кипения жизни – синтез эмоции и ratio.

Синтез любви и интеллекта рождается, когда человек становится личностью в любви, а любовь – основанием способности быть личностью, когда в Другом и в себе он видит не «горячее» или «холодное», а такую же личность. Желание быть личностью в любви, измениться в любви, становящееся новой необходимостью, перетекающее в реальное переосмысление, в практическое действие, в самоизменение, в претензии к самому себе, в реформу себя – этот переход и есть поиск богочеловеческой середины, это и есть лермонтовская Реформация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лермонтов М.Ю. «Menschen und Leidenshaften (Люди и страсти)». Трагедия // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 1; Т. 3. С. 172. – М.: 1969; Лермонтов М.Ю. Станный человек. Романтическая трагедия // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. С. 248.

² Лермонтов М.Ю. Отрывок // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. С. 180 – 181.

³ Лермонтов М.Ю. Демон // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. С. 431.

⁴ Лермонтов М.Ю. Исповедь // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. С. 185.

⁵ Лермонтов М.Ю. Боярин Орша // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. С. 276.

⁶ Лермонтов М.Ю. Демон. С. 437.

⁷ Ап. Павел: «Теперь же пребывают вера, надежда, любовь – эти три, но наибольшая из них – любовь» // 1 Кор. 13:8 – 13.

⁸ Лермонтов М.Ю. Любовь мертвеца // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. С. 324 – 325.

⁹ Лермонтов М.Ю. Демон. С. 441 – 442.

¹⁰ Мережковский Д.С. Лермонтов. Гоголь. – СПб., 1911. С. 43.

¹¹ Лермонтов М.Ю. Демон. С. 431.

¹² Там же. С. 435.

¹³ Манн Ю. Русская литература XIX в. – М.: Аспект Пресс, 2001. С. 225.

¹⁴ Там же. С. 225.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ Там же. С. 226.

¹⁷ Подробно см.: Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. – М., 2012.

¹⁸ Лермонтов М.Ю. Демон. С. 468.

¹⁹ Библия. Откр.; Апок. 3:15.

- ²⁰ Там же. 3:16.
²² Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С. 370.
²³ Там же. С. 366.
²⁴ Там же. С. 436.
²⁵ Там же. С. 380.

REFERENCES

- The Bible.
Davydov A.P. *Non-political liberalism in Russia*. Moscow, 2012 (in Russian).
Lermontov M.Yu. *Collected Works*. 4 volumes (in Russian).
Mann Yu. *Russian literature of the 19th century*. Moscow, Aspekt-Press, 2001 (in Russian).
Merezhkovsky D.S. *Lermontov. Gogol*. Saint Petersburg, 1911 (in Russian).

Аннотация

В предлагаемой статье исследуется творчество М. Лермонтова как одного из пионеров Русской Реформации – гуманистического движения в российской элитарной культуре, начавшегося с творчества А. Пушкина. Лермонтов и Пушкин – каждый по-своему – впервые в России сказали: личность в России возможна. Из этого источника, хотя и не только из него, родились российский неполитический либерализм и русская художественная литература XIX – XXI вв. В статье разворачивается дискуссия, нацеленная на переосмысление логики и ценностей лермонтовского творчества.

Ключевые слова: Лермонтов, культура, Россия, Бог, Демон, Реформация, личность, любовь, поэт, спасение.

Summary

The article studies the creative work of M. Lermontov as of one of the pioneers of the Russian Reformation – humanistic movement in the Russian elite culture which started from the creative works of A. Pushkin. Lermontov and Pushkin, each on their own, were the firsts who declared: person in Russia is possible. This source, though not only this, created Russian nonpolitical liberalism and Russian literature of the 19 – 21 centuries. The article push forward discussion aimed at reorientation of logic and values of the Lermontov creation.

Keywords: Lermontov, culture, Russia, God, Demon, Reformation, person, love, poet, salvation.